

Иван АВРАМОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЕВШИ

Глава первая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЕЛЕВКА I

Бычий рог, похожий на изготовленную к броску змею, и не лишенное изящества, опять-таки бычье ухо отливали древней золотой темью и украшали шлем лишь справа. У человека в шлеме был тяжелый подбородок — классический признак железной воли и упорства, граничащего с упрямством. Античная прямизна носа, прерываемая еле заметной горбинкой, непреклонный взгляд властелина — царь? А кто же еще! Для сведущего человека достаточно этих бычьих рога да уха на шлеме, чтобы убедиться, — это не кто иной, как Селевк I, чья держава, основанная им же самим, простиралась от Сирии до Индии.

Чья-то рука бережно вынула монету с изображением Селевка из черного бархатистого углубления и опустила ее в портмоне. Остальные несколько десятков монет скопом переключивали в серый кейс из натуральной кожи. Проворные пальцы тут же набрали на кодовом замке привычную комбинацию цифр...

То, что подсматривать нехорошо, Боре Оржеховскому, как мальчику из интеллигентной семьи, было известно. Но он ничего не мог поделать с собой. Раньше, случалось, брал подаренный отцом сильный морской бинокль на пляж. Интересно понаблюдать, как будто рядом — рукой подать, плывет прогулочный теплоход с безмятежными пассажирами, лица которых отчетливо видны; как неотрывно смотрит на поплавки рыбак с «резинки»; как резвятся на противоположном берегу Днепра купающиеся люди. Но так было раньше. А теперь...

Однако, все по порядку. Весной в их большом, на несколько шестнадцатизэтажных муравейников, дворе появилась девочка Лариса с айвово-желтыми волосами и темно-карими, почти черными, глазами. Не только Борис — все окрестные мальчишки поняли, что отныне это местная королева красоты.

Борькин папа, между прочим, тоже обратил на нее внимание. Как-то раз Лариска с подружкой выгуливала свою необыкновенно симпатичную собачку Джесси, маленькую, рыжую и...черноглазую — просто-таки копия хозяйки, а Борис с отцом торопились на рынок за мясом для

шашлыка. Выходить на шашлык дважды в месяц по выходным стало в их семье чем-то вроде незыблемого ритуала. Тут вот родитель, едва они разминулись с подружками, и произнес, совсем не заметив, как после его первых же слов сын густо и мучительно покраснел:

— Какая красавица — с ума сойти! Про нее, кажется, и пел когда-то Валерий Ободзинский, который вполне мог соперничать славой с Муслимом Магомаевым: «Эти глаза напротив чайного цвета...» — Строчку из песни Ростислав Захарович даже пропел.

— Года через два, когда этой девчонке исполнится восемнадцать-девятнадцать, не один парень потеряет от нее голову. Надо ж — майский одуванчик с карими глазами... Кстати, Борис, а не к шапочному ли разбору мы поспеем? Для шашлыка, сыне мой, годится не всякое мясо. Собственно, ты это знаешь не хуже меня...

Борьку всегда умиляли эти отцовы «перепады» — от лирики к голому рационализму, причем без всяких пауз, без перебрасывания каких-либо «мостиков». А еще это странное пристрастие вплетать в свою речь старославянизмы или же придавать вполне современным словам архаическое звучание — «сыне мой», если это касалось Борьки, сестренку же Владу отец называл не иначе, как «отроковица», «дщерь моя»...

Представляя, видимо, завтрашнее священнодействие у костра, Ростислав Захарович весь ушел в себя. Он даже и мысли не допустил, что как раз его сын уже потерял голову от этой девочки. Да, от правды никуда не скрыться — Борис Оржеховский вот уже полгода как влюблен, тайно, тихо, безнадежно, в желтоволосую Лариску. Весной ее семья въехала в соседний, напротив Борькиного, дом — седьмой этаж, квартира сорок. Весной Лариска впервые явила себя их шебутному и голосистому двору и, надо сказать, явление это сопровождалось восторгом практически всех пацанов и неафишируемой завистью некоторых девчонок. Опять-таки весной Борис Оржеховский понял, как сладко может оборваться сердце и сколько поэтической печали оно способно вместить в себя... Нельзя сказать, что Лариска совершенно не замечала Боба, как часто называли во дворе Оржеховского. Нет, она с ним охотно общалась, но...никак не выделяла из общей массы. Не только это заставляло страдать Бориса. К общепризнанной красавице подбивали клинья Бертик из соседнего двора — красивый, накачанный, как Сильвестр Сталлоне, и скрипач, одиннадцатиклассник Антон, который жил сразу под Борькой. Их заигрывания Лариса Горенко не отвергала. Когда Борис видел, как она прогуливается по набережной сегодня с одним, завтра с другим, сердце его ныло так

ощутимо, как, верно, ноет у солдата-калеки ампутированная ступня.

Морской бинокль эти страдания облегчал. Умело маскируясь, то есть, используя минимальный просвет между шторами, Оржеховский, как только выдавался удобный момент, с замиранием следил за предметом своего обожания. В такие минуты Лариска принадлежала одному ему, и никому больше. Смотреть с девятого этажа на седьмой противоположного дома было очень удобно. Расстояние метров в двадцать пять-тридцать исчезало, будто вовсе и не существовало. Вот Лариска берет на руки свою маленькую собачку-копию, та осторожно кладет на перила балкона передние лапки и с любопытством всматривается в пугающую пустоту; вот Лариска поливает цветы; вот пытается изобразить что-то вроде гимнастической зарядки...

Борис всегда тютелька в тютельку «вычислял», когда Лариска Горенко появится на балконе — так звездочет точь-в-точь поспекает к появлению на небе нужной ему звезды. Не ошибся он и в этот раз. Едва он навел бинокль на знакомый балкон, как там тут же расцвел золотой одуванчик Ларискиной головы. Это означало, что любящая дочка выглядывает маму — именно в это время та возвращается с работы. Однако, против обыкновения, Лариска, чуть повертевшись,

неожиданно убежала вовнутрь квартиры. Наверное, отец уже дома и зачем-то позвал ее.

Борька вздохнул и от нечего делать перевел взгляд повыше. В окнах восьмого этажа — никого. На девятом они зашторены, лишь в одном приличный, хоть и забраный прозрачной гардиной, просвет. В бинокль отчетливо видны два мужских силуэта. Ага, это хозяин квартиры — одинокий благообразный старик, похожий на профессора: бородка клинышком, лоб мудреца с высокими залысинами, старомодные очки в тяжелой роговой оправе. Рядом, спиной к Борьке, лицом к хозяину, стоит, по всей вероятности, гость в темном плаще — только вошел, что ли? Двое, как мог догадаться Борис, обменялись репликами, причем у старика была жестикуляция несогласного с чем-то человека. Вот он повернулся спиной к гостю, тот сделал шаг ему вослед; Оржеховский увидел, как пришелец резко выбросил вперед руку, и движение это царапнуло, показалось странным, но почему, Борис до конца так и не осознал. Но зато он понял, что в кулаке у этого мужчины в темном плаще что-то зажато: и пальцы слегка растопырены, как это бывает, если у тебя в руке яблоко или апельсин, и стукнул он хозяина не по темени, не по макушке, а по затылку — так ведь удобнее. Впечатление у Бориса было такое, что старик, получив удар по голове, упал на пол. Не

оборачиваясь, гость правой рукой задернул штору; теперь две половинки почти соприкоснулись, а в узкий просвет между ними ничего уж не разглядеть. Отнимая от глаз бинокль, Борька успел заметить, что в комнате вдруг зажегся свет.

Странная сцена, невольным свидетелем которой он стал, все еще стояла перед его глазами. Юноша прислушался к себе и только сейчас понял, как сильно у него колотится сердце. Не исключено, что все это ему просто привиделось. Может, он неверно истолковал это движение незнакомца: не все ведь ясно, отчетливо не разглядишь даже в мощный бинокль. А старик, скорей всего, поскользнулся на паркете или зацепился ногой за край ковра. В душе ж Борис понимал, что таким образом он пытается утешить, успокоить себя.

«Рассказать о происшествии в соседнем доме папе или не стоит?» — Парень осторожно положил бинокль на край своего письменного стола. Наверное, не надо. Отец, если узнает, что сын шарит биноклем по чужим окнам, наверняка брезгливо скривится и сурово его отчитает. «Будем считать, что это обман зрения, — решил Борька. — Мало ли что может показаться...»

На дворе уже смеркалось. Октябрьский вечер ощутимо прохладен и имеет к бабьему лету такое же отношение, как Борис Оржиховский — к уголовному розыску. Теперь Лариска Горенко

будет появляться на балконе реже и реже. Ведь комнатные цветы, которые она поливает, с наступлением холодов переместятся в теплую квартиру. А выглядывать возвращающуюся с работы маму ей не будет никакого смысла — невелико удовольствие дрожать от стужи на балконе и всматриваться в потемки.

* * *

— Так, говоришь, Арсений Петрович Милютенко был крупным археологом и не менее крупным нумизматом? — переспросил капитан Сонях лейтенанта Нестерцова.

— Совершенно верно, — подтвердил тот. — Я только что навел справки — имя Милютенко значится во всех крупнейших нумизматических каталогах мира. Он был владельцем уникальной коллекции античных монет и, что примечательно, не менее редкого собрания монет советского периода, если поточнее — двадцатых годов.

— Обычные пятаки, гривенники да полтинники тоже представляют какую-то ценность? — удивился Сонях, не отрывая взгляда от замкнутой меловой линии на паркете, обозначающей положение тела ученого в момент смерти.

— Напрасно иронизируете, Павел Вадимович. Некоторые копеечки чеканились в то время мизерными тиражами. А сейчас это бешеные раритеты. За одну такую «никчемную» монетку коллекционеры готовы выложить порой тысячи долларов. Если не десятки тысяч.

— Откуда, интересно, у скромного опера такие солидные познания в нумизматике? — язвительно поинтересовался капитан.

— А это меня просветил профессор Ордынский, лучший друг покойного археолога. Как ни странно, убийца на эту коллекцию не позарился. Может, не знал, где она находится.

— Или она ему была не нужна, — раздумчиво сказал капитан, скользя взглядом по академической позолоте многочисленных томов, тускло поблескивающей за стеклом внушительного книжного шкафа. — Это в том случае, если преступник не коллекционер, а обыкновенный исполнитель, за спиной которого стоит конкретный заказчик. Что еще, Сережа, удалось выяснить?

Ответить Нестерцов не успел, потому что «проснулся» мобильник капитана Соняха. Звонил судмедэксперт Виталий Андреевич Чертков.

— Экспертиза подтвердила результаты предварительного осмотра, — доложил он. — Смерть наступила практически мгновенно от удара по затылку тяжелым тупым, скорей всего,

закругленным предметом — чем-то вроде гирьки или спортивного ядра. Единственное, что могу добавить, — удар был очень силен. То есть, преступник не намеревался лишь оглушить хозяина квартиры. Оставляя его в живых он и не собирался. А отсюда следует, что профессор Милютенко и его убийца были, хорошо ли, шапочно ли, но знакомы. Если б покуролесил залетный «гастролер», то вряд ли бы отважился на «мокруху». Ну, вырубил бы старичка, хап — коллекцию, о которой, скажем, узнал по наводке, и — деру!

Судмедэксперт помолчал, а потом вдруг спохватился, сменив тон с серьезного на весело-извиняющийся:

— Паша, извини! Перед кем это я, старый дурак, растекаюсь мыслию по дереву, рассуждаю с умным видом? Перед самим Соняхом — лучшим сыскарем Киева!

— Не ту ты специализацию выбрал себе, дорогой Виталий Андреевич, в нашем трудном и опасном деле, — не менее шутливо отвечивал капитан. — Тебе бы не трупы осматривать, а в кабинетной тиши делать стройные и логически безупречные умозаключения. Может, переквалифицируешься в оперы? Потому что ты абсолютно прав, Черток, — так коллеги по-дружески называли Виталия Черткова. — Моя

мысль тоже движется именно в этом направлении. Ладно, если вдруг обнаружатся какие-нибудь новые детали и детальки, не стесняйся, тут же звони!

Поворотясь к лейтенанту, Соня в некотором недоумении вскинул вверх редкие рыжеватые брови:

— А мы с тобой на чем остановились, Сережа? Ах, да — опрос соседей! Ну, докладывай, что там они тебе напели?

— Отзываются об убиенном исключительно хорошо. Арсений Петрович, по их словам, был интеллигентным, отзывчивым, в высшей степени порядочным человеком. В эту квартиру он вселился тринадцать лет назад — как только дом сдали в эксплуатацию. Не успел обжиться, как навалилась беда — схоронил жену. Детей у них нет и не было. Соседи говорят, что Арсения Петровича иногда навещал племянник — родной или двоюродный, не знают. Погоди, Антонина Луарсабовна Капанадзе, ближайшая соседка профессора, утверждает — двоюродный. Иногда он помогал старику — то кран водопроводный починит, то картошки с базара принесет. Женщины у Милютенко не бывали, хотя, как сами понимаете, товарищ капитан, знаменитые ученые-вдовцы очень часто пользуются повышенным вниманием молоденьких хорошеньких лаборанток, ассистенток и аспиранток, которые мечтают успешно защититься

и стать хозяйкой роскошной квартиры в столице. Огромная разница в возрасте этих вертихвосток вовсе не смущает. Кто знает, может, несколькими годами ранее подобные поползновения в сторону Арсения Петровича и наблюдались, но все дело в том, как заметила та же Антонина Луарсабовна Капанадзе, — он любил свою жену столь самозабвенно, что у любой, самой ослепительной красотики не оставалось никаких шансов на успех. Из друзей у Милютенко чаще всех бывал профессор Ордынский. Остальных двух-трех соседи разве что мельком видели. Они утверждают, что покойный вел, в общем-то, замкнутый образ жизни. Пока все.

— Постарайся узнать побольше обо всех связях Милютенко. И разузнай, что за птица его племянник.

Капитан еще раз пристально взгляделся в меловую линию на паркете, напоминающую контурами большую изогнутую фасолину, и покинул квартиру, где вчера вечером произошло убийство.

Глава вторая

БИЛЕТ В ТЕАТР

— Это ж надо — человек всю жизнь собирал древние и просто редкие монеты, за что в конце

концов получил по голове, — Горик Литвинец сделал затяжной глоток любимой «Рум-колы».

— Сейчас могут убить даже из-за десяти гривен, — возразил Максим Дидух. — Тебя слушаешь: вообще отменить коллекционирование?

— Никогда как раз не понимал людей, которые этим занимаются, — упрямо гнул свое Горик. — И собирают, и собирают... Но разве можно объять необъятное? Да ни в жизнь! Хотя с другой стороны, удобно и надежно вкладывают бабки. Я читал: если не хочешь, чтобы твои деньги обесценивались, лучше всего вложить их в недвижимость. На втором месте — золото. На третьем — филателия, ну и нумизматика, наверное, тоже, антиквариат там всякий...

— Это в нормальных странах, — опять возразил Дидух. — А у нас, по крайней мере, сейчас все наоборот. Папа мой десять лет не может продать дедушкин дом, который ему достался по наследству. За бесценок отдавать не хочет, а купить за нормальную цену никто не может. У людей, а это шахтерский поселок, нет денег. А что касается коллекций... Любое собрание имеет прежде всего историческую ценность, и только потом — денежную стоимость. Разбился «Мерседес» в лепешку — прямой, конечно, убыток владельцу, если тот, кстати, уцелел. Только таких

«Мерседесов» — сотни тысяч, а то и миллионы, а «Подсолнухи» Ван Гога — единственные в своем роде, и если они сгорят в пожаре или уйдут на дно океана, человечество будет горевать не по утраченным десяткам миллионов долларов, а по самим «Подсолнухам», которые так, как Ван Гог, уже никто не напишет. Знаешь, мне очень жаль, что убили этого старика-коллекционера, я ведь однажды побывал у него в гостях, он мне показал несколько бесценных античных монет.

— А как ты свел с ним знакомство? — изумился Литвинец.

— Совершенно случайно. Как-то в троллейбусе сижу, рассматриваю юбилейную монету, выпущенную в Гонконге в честь миллениума...

— Откуда она у тебя взялась?

— Мать купила кожаную сумочку в секонд-хэнде и в одном из кармашков обнаружила эту монетку. Может, прежняя хозяйка забыла. Или оставила, как презент, будущей владелице.

— Скорей всего, забыла, — безапелляционно сказал Литвинец. — Иногда в шмотках с секонд-хэнда даже доллары находят.

— Какие еще доллары? — нарочито строго спросил чей-то голос, и приятели вздрогнули. Оказывается, к лавочке, на которой они расположились, крадучись, подобрался Борька

Оржеховский — еще один «мушкетер» из неразлучной троицы. — О чем, вообще, базар, мужики?

— Вообще-то об убийстве, — сказал Дидух.

— Полный отпад! — восхитился

Оржеховский. — Приколы у тебя, Макс, что надо.

— Какие тут приколы, Борис, — укоризненно произнес Дидух. — Человека убили, а ты...

— Где убили? Когда?

— Вчера. В доме напротив твоего.

— На девятом этаже? — На Борькином лице отобразилась такая сложная гамма чувств, что Дидух и Литвинец недоуменно переглянулись.

— Да, на девятом. А как ты... догадался? Ты ж вроде об этом убийстве и слыхом не слыхал?... — Максим не сводил с приятеля замороженных глаз.

И тут Оржеховский, неожиданно для самого себя, поведал о том, что совсем нечаянно подсмотрел вчера вечером в бинокль. Лариска Горенко при этом никак не фигурировала — развлекался, так сказать, от нечего делать.

— И знаете, парни, что-то меня царапнуло, показалось мне не совсем обычным, что ли... — Борька растерянно, беспомощно, точь-в-точь как очкарик, у которого вдруг слетели с носа очки, уставился на друзей.

— Вот увидишь, Боб, тебя осенит! — убежденно выговорил Горик Литвинец. —

Сверкнет вдруг что-то в голове наподобие молнии, и ты за эту самую голову и схватишься: Господи, как все просто, стоило ли мучиться...

— А я думаю, тебе не мешало бы встретиться со следователем. Он, наверное, готов ухватиться сейчас за любую ниточку, — рассудил Дидух.

— Так-то оно так, только надо ли связываться с милицией? — засомневался Литвинец. — Затаскают потом Боба по допросам...

— Надо! — возразил Дидух. — Уже хотя бы потому, чтобы его потом не замучила совесть. Видел, но промолчал... Арсений Петрович...

— А кто такой Арсений Петрович? — рассеянно спросил Оржеховский, столь же рассеянно скользя глазами по сторонам и ни на чем не задерживаясь. Неподалеку в песочнице копошилась малышня. Играя в «войнушку», карапузы бросались друг в друга песком, вопили, как резаные.

— Эх ты, свидетель преступления... Это нумизмат, которого убили... — ответил Дидух, вполне допуская, что углубленный в свои мысли Оржеховский пропустит его слова мимо ушей.

Максим, кажется, не ошибся. Борька не отрывал ничего не выражающих, как у пляжника, который лежит на спине и неотрывно смотрит в небо, глаз от песочницы. А там всю разгорался обмен пригоршнями песка, каждое меткое

попадание сопровождалось радостными воплями. Еще немного, и начнется потешный мордобой. С криками, плачем, размазываемыми по лицу соплями. Раньше, впрочем, завопил Борька:

— Понял! Представь себе — врубился! — на радостях он так стукнул Литвинца по плечу, что тот аж перекосялся.

— Крыша поехала? — вызверился Горик на Бориса.

— Наоборот, на место возвратилась! Ребята, я наконец-то понял, в чем дело! Этот мужик ударил профессора по голове левой рукой. Он левша! Левша!

— Очень важная деталь, — заметил Дидух. — Левшей в мире всего-навсего пять-семь процентов. В среднем они живут на девять лет меньше, чем правши. И погибают на производстве гораздо чаще.

— Почему? — изумился Горик.

— Потому что инструменты и станки рассчитаны на тех, кто лучше владеет правой рукой. А еще один американский психолог утверждает, что левши отличаются повышенной склонностью к алкоголизму и асоциальному поведению.

— Ну, Макс, ты даешь! — не счел нужным скрыть своего восторга Литвинец. — Ты что, реферат готовил о левшах?

— Кандидатскую диссертацию, — отмахнулся Дидух. — Ладно, парни, шутки в сторону. Надо обо всем, что знаем, обязательно сообщить в милицию.

* * *

Сонях любил чай. Заваренный на скорую руку, прямо в чашке, но всегда крепкий и душистый. Пил он его без сахара — «чтобы лучше почувствовать букет». Это, пожалуй, единственное удовольствие, которое он позволял себе на работе. Без обеда оставался часто, но без чая — никогда.

Вот и сейчас он с наслаждением, маленькими глотками отхлебывал горячий, еще дымящийся напиток, а мысли в голове вертелись вокруг дела Милютенко. Полчаса назад позвонил лейтенант Нестерцов. Рассказал, что утром повидался с лучшим другом покойного, профессором Ордынским.

— Он произвел на меня самое лучшее впечатление. Знаете, Павел Владимирович, он из породы старых рафинированных интеллигентов. Аккуратно подстриженная бородка, очки, глаза умные, проницательные. Федор Игнатьевич потрясен убийством друга. Никаких догадок или предположений на сей счет у него нет. Говорит, что Милютенко в последнее время ни с кем из коллег-коллекционеров практически не

контактировал. Как Ордынский выразился: «Возраст, знаете ли... И сил маловато, и прыть не та...» Я у него разжился домашним телефоном Шехватова Анатолия Юльевича. Это двоюродный племянник нумизмата. Если вычислю его сегодня, то сразу и повстречаюсь...

* * *

— Все-таки мне интересно, кто же убил этого замечательного деда, который в своей жизни и мухи, наверное, не обидел, — раздумчиво произнес Максим Дидух, ковыряя носком кроссовки в прибрежном песке.

В густых сумерках противоположный берег Днепра уже различался плохо. На турбазе, которая располагалась там, уже зажглись огни. На зыбкую воду тотчас легли плашмя желтые столбы отраженного света. Максим не отводил от них замороженных глаз — ему всегда казалось, что это колонны опрокинутого в реку античного храма.

— Милиция найдет преступника, — флегматично заметил Горик Литвинец.

— Сомневаюсь, — процедил сквозь зубы Дидух. — Сейчас столько нераскрытых убийств.

— Ты предлагаешь заняться расследованием нам самим? — насмешливо спросил Борька

Оржеховский. — Тоже мне, Эркюль Пуаро с Оболони.

— А почему бы и нет? — Дидух сказал это так серьезно, что Борис на минутку оторопел, открыл, чтобы возразить, рот, да так с ним и остался. — Жаль, Борька, что ты собственного фейса не видишь. Ты такой перепуганный, что — обнять и плакать...

— Оставь, Макс, Оржеховского в покое, — вроде как заступился за приятеля Горик. — Разве не понимаешь, что это парень с воображением — ему сейчас мерещатся перестрелки, погони, уходы от ножа, бандитские засады, кровяща ручьями...

— Да ну вас! — отмахнулся Оржеховский. — Тоже мне, детективы дефективные!

— Не знаю, Горик, как там насчет пальбы, приемов самбо и разных финок, а вот пошевелить мозгами, напрячь извилины, доискаться, кто и почему лишил жизни Арсения Петровича Милютенко, это что, нам не под силу? Глядишь, хоть чем-то поможем ментам! — Литвинец и Оржеховский переглянулись. Похоже, Дидух и впрямь решил заделаться сыщиком.

— А начнем с...консьержки. Или консьержа. Даром, что ли, они зады протирают? Между прочим, Горик, это твой родной дом. Вот и разговоришь вахтершу.

Как вскоре выяснилось, в день убийства за порядок в третьем подъезде отвечала не консьержка и даже не консьерж, а...консьержик. Именно так Дидуху захотелось назвать сына вахтерши Митю, который, подменяя мать, как раз и дежурил вчера. Пацан пацаном — лет двенадцать, не больше.

— Что ж ты проворонил преступника? — с ходу налетел на консьержика Горик, чем заставил поморщиться Дидуха: под таким напором каждый замкнется, как улитка в раковинке. — Сидишь здесь сиднем, а в это время твоих жильцов убивают.

— Я...Я... — залепетал Митя, но тут же сник вовсе и замолчал. Гестаповская хватка Литвинца типа: «Где партизаны? Куда ушли?», кажется, лишила его дара речи.

— Что — я? — грозно спросил Горик.

— Я... Я все уже рассказал милиции, — неожиданно выпалил консьержик, вполне справедливо, видимо, полагая, что теперь-то от него отвяжутся.

— Все-все? Ты-то хоть видел этого подонка?

— Нет... Хотя видел, в общем-то. Когда он уже выходил из подъезда.

— А когда входил? Да ты успокойся — нам, если честно, просто любопытно.

Митя виновато заморгал узенькими, как лепестки цикория, глазами.

— Когда вошел — нет. Обычно, если появляются незнакомые люди, обязательно спрашиваем, к кому они, в какую квартиру. А тут... Понимаешь, я на минутку отлучился, чтобы похлебать супчику. Ты ж знаешь, квартира наша здесь, на первом этаже, через стенку... Вот в этот момент он, наверное, и просочился...

— Просочился... Слова какие употребляет, а? Но, говоришь, ты все-таки этого типа заметил?

Консьержик на сей раз ждать себя не заставил:

— Мужик... Крепкий такой. В очках. Причем стекла от близорукости. И очень сильные. Я в этом немножко разбираюсь — брат у меня очкарик. И еще... У него была черная бородка.

— Какая именно? — успел опередить Горика Борис Оржеховский. — Шкиперская? Как у Фиделя Кастро? Или как у Льва Толстого?

— Очень аккуратная. Лицо гладко выбрито, а бородка... — Митин палец очертил кружок — от носа по подбородку и снова к носу.

— Эспаньолка, что ли?

— Вот-вот. Кругленькая, очень красивая, черная бородка. И брови у него были черные. А глаза темные, наверное, карие. Пожалуй, и все...

— Ты не окликнул его? — спросил Дидух, зная наперед, что ответит Митя.

— Не-а... А что толку спрашивать, если человек уже у двери... Не чемоданы ж у него в

руках, а обыкновенный «кейс». Дорогой «кейс», мне показалось, из натуральной кожи.

— Но ты бы его узнал?

Митя пожал плечами:

— Не знаю... Он прошел так быстро, что в глаза мне бросились его черная борода и черные брови. Ну, цвет лица еще. Не смуглое оно, нет... Белокожий такой мужчина... Я все это выложил лейтенанту Нестерцову. Он меня опрашивал. Забыл только... сказать...

— Что, Митенька, что? — вскинулся Дидух.

— Я, когда выходил на крылечко подышать свежим воздухом, поднял с пола вот это... Его, наверное, этот мужчина и обронил. А, может, и кто другой. Скорее всего, он таки. Я ведь перед тем, как сучика похлевать, подмел вестибюль.

— Ну-ка, покажи, — протянул руку Дидух.

Сложенная вдвое бумажка оказалась билетом в театр имени Ивана Франко. На спектакль «Мастер и Маргарита».

— Лучше б это был билет на поезд, — разочарованно заметил Борька Оржеховский. — Там хоть фамилия значится... А ты, значит, этому своему лейтенанту Нестерцову по поводу билета забыл сказать?

Митя уже справился со своим волнением и изрек совсем по-взрослому:

— С милицией связываться — себе дороже. Хотя, в общем-то, собирался позвонить лейтенанту. Он ведь мне оставил свой телефон.

— Давай-ка его сюда, — распорядился Горик. — А билетик, если не возражаешь, мы заберем. Вдруг пригодится. Ты не бойся — мы с лейтенантом свяжемся сами.

А Борьке на ухо шепнул:

— Чувствую, дружище Оржеховский, завтра ты порадуешь милицию. Ох, и порадуешь. Вот что значит всегда иметь под рукой бинокль!

Глава третья ЕЩЕ ОДНО УБИЙСТВО

Капитан Сонях едва поднес к губам третью, на сей раз уже вечернюю чашку крепко заваренного «Батика», да так и застыл — дверь его кабинета отворилась, и возбужденный Нестерцов еще с порога выпалил:

— Совершенно неожиданная информация! Она, кажется, способна прояснить многое!

— Ну-ну... — скептически произнес Сонях. — Кому-кому, а мне, Сережа, твоя склонность к преувеличениям известна.

— В квартире профессора Милютенко оказалось два телефона. Один, обычный, в гостиной. Второй, с автоответчиком, находится в

кабинете-спальне. Блестит, как игрушка! Ни царапинки, ни пылинки. Новенький, наверное. Несколько сообщений — неинтересных, малозначащих. И лишь от одного я подпрыгнул. Знаете, кто звонил Арсению Петровичу? Профессор Ордынский! Он попросил, чтобы тот принял сегодня некоего своего московского знакомого. Назвал имя — Филипп. Сведущий, как заметил, человек на нумизматическом рынке. Интересуется античными монетами. Причем теми, которые чеканились в эпоху Селевка I и Селевкидов. Поясняю: Селевкиды — это те, кто правил после отца-основателя и довел его царство до плачевного конца.

— Мог бы и не пояснять, — усмехнулся Павел Вадимович. — Когда-то и я почитывал историю древнего мира. Еще что-то есть?

— Еще, — самодовольно подтвердил Нестерцов. — Зная, что Арсений Петрович первого встречного-поперечного в дом не пустит, Ордынский обрисовал внешность гостя. В очках, черная бородка-эспаньолка. Одет в темно-серый плащ. В общем, Ордынский знал, что Арсений Петрович обязательно посмотрит в глазок, вот и обстоятельно его проинструктировал. Кстати, в день убийства он звонил дважды. Но в первый раз наговорил на автоответчик такую банальщину: как здоровье, не тревожат ли Арсения Петровича

почечные колики, давно, мол, не виделись, эту деталь он даже конкретизировал — целую, почитай, неделю, пора бы и встретиться. Обычные, в общем, слова, обращенные к старому другу, когда, знаете, звонят без острой надобности.

— Да-а, — протянул Сонях. — Зацепка очень серьезная. Даже не подозревал, что она появится так быстро. Кассету из автоответчика ты изъял?

— А как же! С Ордынским встречу завтра утром. Интересно, что он расскажет о таинственном москвиче. Хорошо бы сегодня нанести визит, да я валяюсь с ног. Набегался, точно охотничий пес.

— А мне назначил встречу полковник Пегасов. Через полчаса выезжаю к нему. А то с удовольствием навел бы профессора Ордынского. Как насчет чайку?

Лейтенант Нестерцов отрицательно качнул головой.

* * *

На редкость отрадным выдался этот день. Он был ясным и прозрачным, как капля колодезной воды, в которой много солнца. Из квартиры, заметно выстуженной, а потому будто подрастерявшей многолетний уют, Федору Игнатьевичу Ордынскому остро захотелось на свет дня, под яркое, но уже не ярое солнце, поближе к

горящим в рыжем и красном костре октября кленам, тополям и липам. Как раз этими деревьями была обсажена набережная Днепра, вернее, его большого залива, по которой любил гулять профессор. Чаще всего в обществе спокойного песика-пекинеса Лорда.

Федор Игнатьевич сегодня даже удостоился незлобивого ворчания дочери Лидии, которая покоила его старость:

— Не узнаю своего отца-затворника! Специально отложила все дела на кафедре, а он все в бегах и бегах!

Ордынский, как бы прося прощения, слегка приобнял дочь:

— Просто почему-то хочется остаться наедине с собой.

— Из-за Арсения Петровича?

Федор Игнатьевич так печально и виновато посмотрел на дочь, что ответ той и не понадобился.

Теперь профессор Ордынский совершал вечернюю прогулку. Она относилась к разряду обязательных — слева, страшась оторваться от хозяина хоть на шаг, семенил Лорд. Это было удивительно робкое, удивительно нежное и удивительно привязчивое существо, в котором хозяин не чаял души. По вечерам, когда он сидел в кресле и читал очередной научный фолиант, Лорд умащивался у него на коленях и сладко дремал.

Федор Игнатьевич, поглаживая его по блестящей палевой шерстке, иной раз не удерживался от радостных восклицаний:

— Великолепно! Какая дельная мысль!

Так Ордынский хвалил нравящегося ему автора, а песик тут же вскидывался, смотрел на любимого человека такими понимающими глазами, что тому казалось — книгу они читают вдвоем.

Сегодня Лорд, которому всегда передавалось настроение хозяина, тоже был грустен. Несколько раз он забегал вперед и упирался лапками в ноги Федору Игнатьевичу, призывая его развернуться и пойти назад. Но тот, ушедший в себя, не замечал этих поползновений. Профессор думал о том, что терять друзей всегда тяжело. Но на исходе жизни — вдвойне. А еще он казнился. Тем, что сплеховал, слепо доверился, не перепроверил рекомендации, забыл золотое правило коллекционеров: осторожно, осторожно и еще раз осторожно! Та величайшая осторожность, с коей палеограф переворачивает ломкую страницу старинной рукописи, а филателист вынимает из кляссера редкостную марку, входит в плоть и кровь каждого собирателя, распространяется на его отношения с коллегами, другими людьми. Но вот Федор Игнатьевич единственный, наверное, раз в жизни потерял нюх. Забыл, какие времена нынче — человеческая жизнь, случается, и двадцати гривен не стоит. И вот эта

«забывчивость» неожиданно обернулась страшным, ужасным, непоправимым. Надо бы рассказать об этом следователю, хоть напоследок очистить совесть.

Набережная, летом многолюдная до полуночи, сейчас, когда уже начали сгущаться сумерки, была, в общем-то, безлюдна. Лорд знал, что еще немного, и они дойдут до последнего фонарного столба, на котором, собственно, набережная и заканчивается, а потом двинутся в обратный путь. Летом, бывает, спускаются и в близлежащий лесок, пахнувший шашлычными кострами, но сейчас не лето, Лорд это знал точно.

На щеку профессора легла последняя, неведомо откуда взявшаяся паутинка отошедшего бабьего лета. Он рефлекторно поднес руку к щеке, чтобы стряхнуть ее, но передумал: пусть остается, пока ветром не сдует.

То, что они уже не одни на этом последнем отрезке набережной, заметил Лорд, который слегка заволновался, но никак не Ордынский. Наверное, песику не понравилось, что шаги незнакомца, быстро приближающегося к ним, были по-кошачьи легкими и бесшумными.

Федор Игнатьевич так и не успел понять, что с ним произошло: от сильного удара по затылку чем-то тяжелым, замотанным в тряпицу он покачнулся, ему показалось, что фонарь впереди

наконец-то вспыхнул ослепительным желтым светом, разлетающимся во все стороны мелкими брызгами. Но это было не так. Фонари на набережной еще оставались обесточенными.

Ордынский как-то неестественно, деревянно выпрямился, и это было последним, на что у него достало сил. Мгновением спустя он рухнул лицом на асфальт.

Человек в темном плаще огляделся. Совсем вдалеке виднелись силуэты редких прохожих. Дорога от леска тоже пустынна.

В темных громадах окрестных домов кое-где уже светились окна. Туда, к этим домам, размашистым спортивным шагом и направился убийца.

На асфальте растекалось темное пятно крови. Осиротелый Лорд скулил жалобно и беспомощно.

* * *

Полковник Пегасов, замначальника городского уголовного розыска, так «озадачил» капитана Соняха, что тот, кажется, собрался полуночничать у себя в кабинете, чтобы в тишине сосредоточиться на нескольких громких, пока еще не раскрытых делах. Сообщение об убийстве профессора Ордынского взорвало его деловое спокойствие. Узнав о нем, Павел Вадимович начал

мерить кабинет нервными шагами — от письменного стола в угол и обратно. Так мечется по клетке рассерженный тигр... Выплескивая в этой бесцельной ходьбе зло, капитан думал, что преступник, хитрый и расчетливый, сыграл на опережение. Только у следствия появилась весьма осязаемая, многообещающая нить, как он очень своевременно ее оборвал. Кто он, это убийца? Кто? Да тот, конечно, кого Федор Игнатьевич Ордынский, умышленно или нет, отрекомендовал профессору Милютенко. А теперь что, искать преступника по словесному портрету да волоску? Да-да, именно чей-то волосок, обнаруженный после второго тщательнейшего осмотра и могущий принадлежать блондину или блондинке (экспертиза только началась), теперь тянул на роль весьма призрачной улики. А может, и нет — где гарантия, что у одинокого старика не бывали в гостях нормальные, порядочные люди? Глянув на часы, Сонях, после недолгого колебания, набрал номер домашнего телефона лейтенанта Нестерцова.

— Извини, что разбудил, Сережа... Сладко спится, говоришь? Вот и проспал ты свой автоответчик. Какой, спрашиваешь, автоответчик? Да тот самый, который тебя так вдохновил... Что случилось? Много чего... Три часа назад убили профессора Ордынского!

На том конце провода наступило долгое молчание. Замолк и Сонях. Лейтенант, еще не отошедший от крепкого сна, с трудом переваривал новость.

— Это усложняет дело, — наконец произнес Нестерцов.

— Еще как, — подтвердил Сонях. — Ладно, отсыпайся — утро вечера мудренее. Да, забыл — у меня еще утром были одни ребятки, они, можно сказать, соседи Арсения Петровича. Кто в одном с ним доме живет, кто рядом. Знаешь, рассказали кое-что интересное. Но подробности, как говорится, письмом, а пока отдыхай, отдыхай...

* * *

В похоронах одиноких людей всегда есть что-то невыразимо щемящее. Они, как правило, малолюдны, и никто над усопшим не плачет горько и безутешно. Такая печальная мысль пришла в голову лейтенанту Нестерцову, который тоже пришел попрощаться с профессором Милютенко — по долгу, так сказать, службы. Одетый в штатское, Сергей ничем не выделялся среди горстки родных, друзей и знакомых Арсения Петровича. Родных, правда, всего двое — двоюродный племянник Анатолий Юльевич Шехватов, сорокалетний мужчина с красивым, но жестким лицом, и его сын

Игорь, юноша лет шестнадцати-семнадцати, унаследовавший отцовскую красоту, но в каком-то смягченном варианте, что придавало всему его облику некую беззащитность. Впрочем, не исключено, что таким же был и Анатолий Юльевич, покуда житейские неурядицы, а, возможно, и бури не потрепали его, заставив взирать на сей мир отнюдь не через розовые очки. Игорь был искренне удручен: видно, как трудно мальчику сдерживать слезы. Плакала и сердобольная соседка профессора Антонина Луарсабовна Капанадзе, похожая на старую грузинскую княгиню, — породистый, с благородной горбинкой нос, черные глаза в сетке мелких морщин, в темных волосах снежная проседь, наконец, величавая, царственная осанка, перед которой возраст беспомощно отступил. Остальные пятеро, судя по внешнему виду, — ученые-пенсионеры, чьи достоинства совсем невелики. Старомодные костюмы, давно вытертые, залосненные замшевые куртки, купленные давным-давно в загранкомандировках, на самом пике научной карьеры. Люди, с жалостью подумал Нестерцов, у которых все уже позади. Только сейчас он разглядел, что у них за спинами перетаптывается с ноги на ногу еще один, после Капанадзе, знакомец — Максим Дидух. С ним и его друзьями лейтенант, по рекомендации капитана Соняха, успел встретиться и поговорить.

Информация из их уст показалась весьма интригующей. А что, интересно, привело паренька сюда, на кладбище? Одной или двух встреч с профессором, каким бы уважением и симпатией Дидух к нему не проникся, явно недостаточно, чтобы в скорбном молчании стоять у отверстой могилы. Да, парень грустен, но он внимательно наблюдает за присутствующими, он внутренне собран, Нестерцов, сыскарь со стажем, чует это кожей.

Потертый замшевый пиджак произнес прощальное слово — крупный ученый...целая плеяда учеников...замечательный коллекционер...вечная память.

«Похороны как похороны, — подумал лейтенант Нестерцов. — Я, кажется, напрасно потерял время. Единственное, что мне бросилось в глаза — блондин старший Шехватов, блондин! Не его ли волосок в квартире Милютенко? Впрочем, разве это улика? Может, он слетел там с его головы два месяца назад!»

От Нестерцова ускользнуло, как скрестились взгляды Анатолия Юльевича и Антонины Луарсабовны Капанадзе. От Нестерцова, но никак не от Максима Дидуха. Гроб уже опускали в могилу, когда Шехватов устремил на величавую старуху угрюмые выжидательные глаза, та в ответ укоризненно покачала головой. «Почему? И что бы

это значило? — подумал Дидух. — Может, поделиться этим наблюдением с лейтенантом?»

И еще одна деталь просто ошеломила его: Шехватов-старший бросил землю в могилу левой рукой. Дидух тоже нагнулся — и его три горсти глинистой рассыпчатой земли легли на крышку гроба. Когда выпрямился, поискал глазами Нестерцова и не нашел его. Лейтенант уже быстро шагал по длинной кладбищенской аллее, ведущей на выход. Торопился, наверное, по другим делам, которых у опера по горло.

Глава четвертая ЗАГАДКА ПРОФЕССОРА ОРДЫНСКОГО

Квартира носила следы поспешного бегства ее жильцов на работу и в школу. На кухонном столе — тарелки с недоеденным гарниром, чашки с недопитым чаем, хлебные крошки, вилки, мечтающие поскорей перебраться в раковину под горячую воду.

В холле на ковре пестрой змейкой свернулся отцовский галстук, а близ трюмо грустила в одиночестве Ленкина комнатная тапочка.

Максим посмотрел на весь этот разор и вздохнул — прибраться предстояло именно ему,

потому что сестренка уже заваялась на сольфеджио и гармонию и возвратится из музыкальной школы почти к маминому приходу. Как человек организованный, Максим бедлама не любил, но сегодня взяться за дело медлил. Полный облом! И в голове почему-то пусто. Бывает же такое настроение! Выход один: надо немедленно отдать приказ самому себе.

— Поднимайся, лентяй! — вслух скомандовал Дидух и тотчас же, дисциплинированно засучив рукава, направился к мойке. Мытье тарелок вообще-то ему нравилось: льется горячая вода, тряпица легко скользит по гладкому фарфору, и тот приобретает первозданный блеск. За этим нехитрым занятием в голове обязательно начинают шевелиться мысли. Вот и теперь, порой даже забывая о том, что он держит тарелку под краном, Максим Дидух размышлял, кто же все-таки виновен в смерти двух старых ученых-коллекционеров (об убийстве Ордынского Максим узнал от лейтенанта Нестерцова, с которым сразу после школы вышел на связь) и какую роль в поиске преступников способен сыграть театральный билет. Лейтенант, кстати, не придавал этому факту большого значения. Отпечатки пальцев, сказал он, вряд ли сохранились, потому что билет побывал в руках коньяержика, а потом поочередно у Литвинца, Оржеховского и Дидуха. Максим, впрочем, считал иначе.

Во-первых, думал сейчас он, не замечая, что моет уже не тарелки, а вилки и чайные ложечки, кто сейчас ходит в театр? Заядлые театралы? Да, конечно, но их, наверное, осталось так мало, что можно по пальцам пересчитать даже в таком «миллионнике», как Киев. И еще: театрал-фанат разбился бы в лепешку, а достал бы билет на премьеру «Мастера и Маргариты». Спектакль этот пользуется бешеной популярностью, но далеко уже не новинка сезона. Впрочем, наверняка отыщутся театралы, которые по прошествии времени захотят пойти на любимое представление и во второй, и в третий раз. Перечитывают же книжку по пятому и десятому разу.

Кто еще посещает театр? Заезжие провинциалы, туристы, командированные. Те, приехав в столицу, не упускают шанса побывать в опере, на эстраде или в драмтеатре, на худой конец хотя бы на Андреевском спуске — у каждого своя культурная программа. Однако вряд ли заезжий «гастролер», зная, что завтра-послезавтра ему предстоит «мокруха», спокойно отправился бы в театр. Хотя... Почему бы и нет? Если это человек хладнокровный, к тому же любитель театра, он запросто может позволить себе это удовольствие. Совместить, так сказать, приятное с полезным, как ни кощунственно это не прозвучит.

Максим подмел пол в кухне, после чего она приняла идеальный вид, выпрямился с веником в руке и...застыл, как соляной столб, в который превратилась бедная жена Лота. Максиму пришла в голову ясная и дельная мысль, от которой он просто-напросто возликовал.

* * *

Лейтенант Нестерцов, готовясь к встрече с интересующим его человеком, всегда предпочитал кое-что о нем уже знать, используя при сборе информации, как выражаются психологи, метод независимых характеристик. А если проще, опросить всех, кто может хоть что-то рассказать об этом человеке — и хорошее, и плохое. С Шехватовым Сергей бегло побеседовал на следующий после убийства Милютенко день, и ему показалось, что тот искренне удручен тем горем, которое так внезапно обрушилось на него. Никаких оснований подозревать Шехватова в совершении преступления у лейтенанта тогда не было. Как, впрочем, нет их и сейчас, когда он в задумчивости стоит перед снабженной кодовым замком дверью подъезда, в котором жил Анатолий Юльевич.

— Вы к кому-то в гости? — спросил чей-то голос у него за спиной. Нестерцов обернулся и

увидел пожилую женщину, чью правую руку отягощала сумка с продуктами.

— Да, в общем-то, нет, — на секунду замявшись, ответил лейтенант. — Скорее, по делу.

— Насчет квартиры, которая продается? — уточнила старуха, кладя сумку на ступеньку крыльца и радуясь, видимо, возможности передохнуть в ни к чему не обязывающем разговоре с приятным молодым человеком: Сергей опять был в штатском.

— Д-да, — протянул лейтенант, мысленно благодаря судьбу за то, что эта невесть откуда взявшаяся женщина — наверное, она вышла из-за небольшого «кубика» бойлерной, сама обеспечивает ему столь непринужденный контакт. — Вы угадали — глядишь, вашим соседом стану. Только вот, забудка, бумажку дома оставил — на каком этаже она...

— На третьем, — с радостью просветила старуха. — А продает ее Анатолий Юльевич Шехватов.

У Нестерцова даже перехватило дыхание: удача сама плывет в его руки.

С самой обаятельной улыбкой, на которую только он был способен, Сергей предложил:

— Давайте немножко посидим на лавочке, а? Может, и вправду вы — моя будущая соседка. Расскажите о вашем доме, о планировке

квартир... Водопроводные трубы-то, небось, ржавые? Знаю я ваш Подол: то, что под офисы, под бутики, сверкает, как игрушка, а до обыкновенного жилья у властей да жэков руки не доходят.

— И не говорите, — охотно согласилась женщина. — Но наш дом еще более-менее... Если квартиру купите, то не пожалее. Потолки здесь высокие — три восемьдесят, комнаты просторные, одна гостиная — двадцать семь квадратных метров. А лифта в нашем доме нет...

Нестерцов пригляделся к своей собеседнице — вздернутый нос, поджатые губы. Женщин с такими лицами он всегда опасался: остры на язычок, ядовиты, ехидны. И еще безоглядно уверенны, что они — истина в последней инстанции. Слава Богу, соседкой Нестерцова эта старушенция никогда не станет, но вот что именно она будет просвещать его насчет Шехватова — это хорошо!

— Анатолий Юльевич никогда б не объявил в продажу свою родовую квартиру — здесь ведь жили его дед с бабкой, отец с матерью, да обстоятельства вынуждают. Он, видите ли, большой картежник. Азартный донельзя. То выигрывает, то проигрывает. В последнее время, пожаловался как-то в подпитии, не везет, и хоть ты тресни. Будто кто сглазил его. Играет больше на каких-то квартирах, где собираются такие же

одержимые, как он сам, а теперь начал захаживать и в казино.

— Эти казино растут у нас как грибы после дождя, — заметил Нестерцов. — Не Киев, а Монте-Карло.

— Вот-вот. Анатолий Юльевич, кстати, любит попытать счастья в «Огнях Парижа». Где они, эти «Огни», я и не знаю. Погодите, на чем я остановилась? Ага! Отвернулась фортуна от Анатолия Юльевича, а долг карточный накопился громадный. Все, говорил, что выручу от продажи квартиры, пойдет на уплату долга. Карты, молодой человек, как и водка, до добра не доводят. Хотя, скажу вам честно, мне его жаль. Он порядочный, интеллигентный человек, только взять себя в руки не может.

— А какой у него номер квартиры?

— Одиннадцать. У нас на этаже — по четыре квартиры. Ах, что ж я вам голову морочу: Анатолий Юльевич у нас человек ночной. Ночью, как понимаете, играет в карты, если при выигрыше, в ночной клуб заглянет, ну, а днем отсыпается. Так что вы напрасно пришли. Игорек, сын его, уже в школе, а папенька его, если уже дома, вам не откроет, звоните хоть сто раз подряд. После обеда приходите, молодой человек, а еще лучше — ближе к вечеру...

С Лидией Федоровной Ордынской капитан Сонях решил побеседовать лично, и не у себя в кабинете, где любого, кого б не вызвали по повестке, не отпускает напряжение, а у нее дома. С удовольствием приняв любезное предложение хозяйки выпить чашечку кофе, Павел Вадимович, пока та хлопотала на кухне, с интересом рассматривал богатейшую библиотеку профессора. Научных книг гораздо больше, чем художественных, а среди трактатов заметно выделяются те, что посвящены античному Северному Причерноморью.

— Папа был специалистом по Ольвии, — Лидия Федоровна так неслышно появилась в гостиной, что Сонях этого и не заметил. — Каждое лето он выезжал туда в экспедицию. Роднее ольвиополитов для него не было никого на белом свете. Он знал о них, кажется, все. Конечно, профессия накладывает свой отпечаток и на круг увлечений человека. Папа, как и Арсений Петрович Милютенко, был страстным нумизматом. Он собрал замечательную коллекцию «рыбок».

— Рыбок? — опешил капитан. — Каких это еще, уважаемая Лидия Федоровна, рыбок?

— Ах, простите, — засмеялась та. — Не учла, что ваши профессиональные интересы весьма

далеки от нумизматики да и древней истории тоже. Дело в том, что древнегреческие колонии, расположенные на севере Причерноморья, чеканили собственную, местную монету — очень часто в виде отлитого из меди дельфинчика. Их-то вот в обиходе и именовали «рыбками». Наиболее редкостные «дельфинчики» стоят сейчас сумасшедших денег. Папа с Арсением Петровичем часами могли рассматривать какую-нибудь монетку. И вели между собой такие разговоры, что заслушаешься, забудешь, что ты в современном Киеве, а не в каком-нибудь античном Гелиополисе.

— Они очень дружили?

— Не то слово. Дня не могли прожить, чтобы не созвониться. — Лицо Ордынской стало таким горестным, что капитану показалось: сейчас из ее глаз брызнут слезы.

— Лидия Федоровна, — выждав паузу, тепло, с явным сочувствием произнес Сонях, — понимаю, как вам сейчас тяжело. А тут еще я со своими расспросами. Но...Но, знаете, у нас есть все основания предполагать, что и Арсений Петрович, и Федор Игнатьевич стали жертвой одного и того же преступника. Нет ли у вас каких-либо догадок насчет той связи, которая несомненно существует между этими двумя... — Сонях не решился договорить — «убийствами», но Лидия Федоровна и так все поняла.

— Я и сама долго над этим размышляла, — призналась она. — Но зацепиться буквально не за что... Единственное, что мне непонятно, почему, буквально раздавленный страшным известием, отец схватился за голову, вот так, — она показала на себе, — обеими руками и воскликнул: «Боже мой, как же я виноват перед Арсением! Как виноват!..»

— И это все? Больше он ничего не добавил? — встрепнулся капитан.

— Это все...

— Что бы означала эта загадочная фраза? Почему ваш отец чувствовал себя... виновным?

— Не знаю, — вздохнула Лидия Федоровна, и капитан вдруг отметил про себя, насколько эта женщина привлекательна — серые глаза под темными бровями, красивого рисунка губы, открытый лоб, блестящие каштановые волосы. — Ну, не мог же папа дать... наводку на Милютенко. Я это абсолютно исключаю. С Арсением Петровичем ясно: его убили и ограбили. Папу тоже убили, но его коллекция, не менее, кстати, дорогостоящая, осталась цела. Просто теряюсь, какая здесь логика!

— А если ваш отец невольно, сам того не желая, подставил друга? — осторожно предположил Соня.

Лидия Федоровна пожала красивыми покатыми плечами.